
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

П. А. КУЦЕНКОВ

АПОЛОГИЯ МАРСЕЛЯ ГРИОЛЯ: МАМАДУ, ИЛИ ОГОТЕММЕЛИ СЕГОДНЯ

На основе опыта полевой работы в Стране догонов (Республика Мали, регион Мопти) автор анализирует образ Оготеммели из книги Марселя Гриоля «Бог воды: беседы с Оготеммели» и находит ему аналогию в современной догонской деревне Энде. Таким образом, книга Гриоля, если относиться к ней как к беллетристике, является вполне адекватным источником, живописующим некоторые стороны догонской этнической психологии.

Ключевые слова: М. Гриоль, догоны, этническая психология, беллетристика.

Марсель Гриоль
(1898–1956)

Несколько десятилетий не утихают споры вокруг наследия французского этнолога Марселя Гриоля. С одной стороны, никому до сих пор не удалось обнаружить у африканского народа догонов мифы, которые он описал в «Боге воды» и других своих работах; труды Гриоля изобилуют ошибками, неточностями, а то и просто ничем не подкрепленными фантазиями¹. С другой – его книга о разговорах с Оготеммели (Griaule 1975) обладает несомненным обаянием, которое заставляет современных исследователей снова и снова к ней обращаться.

¹ Об описании культуры догонов французами в сравнении с этнографической реальностью см.: Куценков 2018; Beek 1991; 2004.

Неточностей и простой неряшливости в «Боге воды» действительно много. Так, рассказывая о первой встрече с Оготеммели, Гриоль называет того «бездетным стариком» – *vieillard sans enfants* (Griaule 1975: 11), а через несколько абзацев неожиданно выясняется, что у Оготеммели был двадцать один ребенок, из которых пятеро к моменту его встречи с Гриолем были живы. Описывая домовладение Оготеммели, Гриоль отмечает, что из четырех его зернохранилищ «одно было пусто, другое покосилось, третье было разрезано поперек, как надкушенный плод», а еще одно «было заполнено зерном только наполовину» (*Ibid.*: 11). Здесь многое вызывает недоумение. Во-первых, на глаз невозможно определить, какие зернохранилища принадлежат данному человеку, а какие – его соседям: нередко они стоят в ряд и не имеют признаков принадлежности кому-то конкретно. Во-вторых, кто бы разрешил Марселю Гриолю заглядывать внутрь и подсчитывать количество зерна? Конечно, можно допустить, что все эти вопросы он задавал, – но тогда почему он не упомянул об этом в книге?

Зернохранилища в д. Багуру

Однако в рассказах Гриоля о встречах с Оготеммели есть нечто такое, что заставляет отчасти реабилитировать французского этнолога. Дело в том, что в деревне Энде живет человек, который вполне заслуживает звания «Оготеммели сегодня», и зовут его Мамаду Гиндо.

Ладжи Сиссе

- А почему я не должен бриться?
- Коран запрещает.
- Где запрещает, как запрещает? Какая сура, какой аят?
- Какой аят, не знаю, но такой запрет в Коране есть.

У Ладжи в телефоне есть специальная программа с полным текстом священной книги. Он принялся листать текст, смиренно умоляя Мамаду указать то место, где есть запрет на бритье. Разумеется, Мамаду этого сделать не мог. Но и переубедить его не удалось – под конец Мамаду заявил, что хоть в Коране такого запрета и нет, но на самом деле он есть. Это и было ключевым высказыванием в беседе.

Мамаду Гиндо

Как-то раз после ужина в ноябре 2017 г. автор настоящей статьи в обществе шофера экспедиции Ладжи Сиссе сидел возле нашего дома. Надо заметить, что Ладжи – очень верующий мусульманин, который отлично знает и понимает Коран. Подошел Мамаду, сел и, смерив Ладжи осуждающим взглядом, спросил, считает ли тот себя мусульманином. Тот ответил, что да, считает. «Тогда почему ты брешься?» – не без пафоса спросил Мамаду.

Здесь надо отметить, что затеянная Мамаду перепалка по поводу бритья была розыгрышем, и исполнил он его с высочайшим артистизмом, к большому удовольствию всех свидетелей этой сцены. Но, как известно, в каждой шутке есть доля шутки – ведь Мамаду мог сделать все это каким-то иным способом...

Мамаду около сорока лет, но он не женат и детей не имеет –

что для африканской деревни ненормально. Одевается Мамаду весьма живописно, предпочитая контрастные цвета, полноразмерные бронзовые амулеты, яркие вязаные или традиционные шапки с большими помпонами или кистями и огромные солнечные очки, отчего делается похож на тонтон-макута. Он нигде не работает и работать не желает. В ноябре 2017 г. автор был свидетелем характернейшего случая: утром во двор нашего дома пришел отец Мамаду и сказал, что нашел для сына работу. Стали искать Мамаду, но тот исчез – следы его вели в саванну и терялись среди баобабов. Целый день Мамаду не было, и только после наступления темноты, когда силы зла получают власть над полями, скалами и всякой тварью, их населяющей, он вернулся к людям. Понятно, что к тому времени на работу взяли другого человека. При всем этом Мамаду умен, остроумен и пользуется большой популярностью у детей – он помогает им выполнять домашние задания, особенно по рисованию. Нельзя исключать, что Мамаду страдает легкой степенью аутизма. В деревне над ним, конечно, посмеиваются, но беззлобно, скорее с сочувствием.

Вернемся теперь к истории с запретом, которого нет, но на самом деле он существует. Мамаду принадлежит еще одно высказывание в том же роде: «Уголь черный, но он красный». Эти слова сильно напоминают речи Оготеммели из книги Гриоля. Так, по словам Оготеммели, «Земля плоская, но север наверху» (Griaule 1975: 15). Этот на первый взгляд типичный оксюморон заслуживает особого разговора.

По сообщению Мусы Амаду Гиндо (Бамако, д. Энде), Оготеммели был единственным жителем деревни Оголь, кто знал французский, поскольку в молодости служил в сенегальских стрелках (поэтому его и отрядили общаться с французом). Именно служба в армии может многое объяснить: во время ее прохождения информант Гриоля наверняка видел карты и, возможно, знал, как ими пользоваться. Но на картах-то Земля действительно плоская, а север находится именно наверху (особенно если карта пребывает в вертикальном положении)! И получается, что в этом случае Оготеммели ничего особенного не придумал, а просто воспользовался зрительным образом, усвоенным им во время военной службы, то есть абсурдность его высказывания оказывается мнимой – он просто описал то, что хранилось в его памяти. Совершенно то же самое можно сказать и о парадоксальном высказывании Мамаду Гиндо относительно угля – тлеющий уголь действительно красный

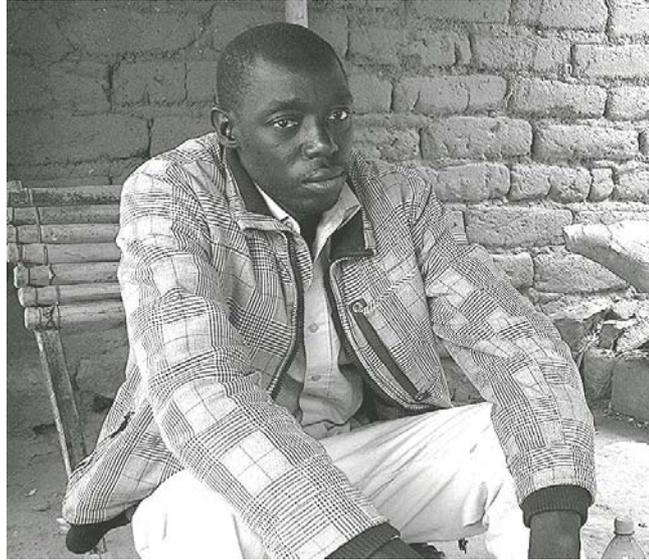
внутри! Получается, что слова Оготеммели и Мамаду говорят только о том, что для них обоих характерно яркое образное мышление: зрительные образы у них принимают словесную форму сразу и непосредственно, без всяких перешифровок.

Есть соблазн объяснить столь яркое образное мышление «архаичностью» культуры догонов. Но такое предположение не соответствует действительности. Конечно, сейчас невозможно судить об особенностях мышления соседей Оготеммели, но Мамаду, его родственники и свойственники являются нашими современниками. По опыту общения с ними автор может констатировать, что они думают точно так же, как читатели этой статьи (разумеется, с поправкой на родной язык и жизненный опыт), разве только память и реакция у них лучше наших. Дополнительным фактором могли быть трудности перевода, поскольку Гриоль ни *бамананкан*, ни догонского языка *торо-со* не знал, да и Оготеммели французским владел далеко не в совершенстве. Кстати, Муса Амаду Гиндо сообщил автору еще в середине 1980-х гг., что тот был вовсе не признанным мудрецом, а известным деревенским пьяницей и чудаком. В пьянстве Мамаду Гиндо не замечен, но звание главного деревенского чудака он носит по праву.

Но одними только картами дело не исчерпывается. Как известно, Оготеммели сообщил Марселю Гриолю названия Сириуса (*sigu tolo* или *pô tolo*), которые, если верить В. ван Бееку, в догонском языке *торо-со* отсутствуют (Beek 1991: 149). Поведение Мамаду Гиндо, возможно, помогает разгадать и эту шараду. Как говорят (на *бамананкан*) родственники и соседи Мамаду, «*A be kuma ke*» («Он производит слова»), и уточняют эту мысль по-французски: «*Il crée les nouveaux mots*» («Он создает новые слова» – информант Сулейман Гиндо, ноябрь 2017 г.). Весьма вероятно, что Оготеммели занимался тем же самым, когда сообщал Гриолю несуществующие названия небесных светил, но этот вопрос еще нуждается в уточнениях.

Мы могли бы найти на страницах «Бога воды» множество подобных примеров, но небольшой объем журнальной статьи не позволяет этого сделать. Можно с довольно высокой долей вероятности утверждать, что загадка Оготеммели с его «философией» и мифами имеет два объяснения. Во-первых, такой психологический тип среди догонов действительно существует. Это «очарованный странник» Нагорья, и ведь догадал же черт Гриоля встретиться именно с ним! Получается, что, скорее всего, французский этнолог

ничего не придумал: Оготеммели действительно говорил все то, что было описано в «Боге воды». Ошибка Гриоля состояла в том, что он общался только с одним человеком. Кстати, такого же мнения придерживаются и те догоны, с которыми автор обсуждал эту проблему, – Сулейман Гиндо, Бокари Гиндо и Муса Амаду Гиндо (д. Энде, Бамако – все с высшим образованием и учеными степенями). Во-вторых, Гриоль, безусловно, был небрежен и в своих наблюдениях, и в выводах (достаточно здесь вспомнить его описания зернохранилищ Оготеммели).

Сулейман Гиндо

Однако у догонов есть еще кое-что, способное ввести в заблуждение стороннего наблюдателя. Культура общения этого народа построена на взаимном вышучивании, мистификациях и тому подобных приемах, причем издеваться над вами будут тем больше, чем лучше к вам относятся. Что касается вышучивания, то, по меткому наблюдению Д. В. Ванюковой, догоны безошибочно находят наиболее уязвимое место собеседника, но делают это так, чтобы не обидеть того всерьез: например, самой Ванюковой и ее коллеге Н. В. Лаврентьевой (устное сообщение) женщины, заметив их озабоченность местной кулинарией, с хохотом предложили угоститься *то* (просом) прямо из ступы; во время церемонии масок, которую женщинам видеть нельзя, их нарочито запугивали церемониальным

жезлом. Автора постоянно донимали рассуждениями об истинности его «догонства», предлагали немедленно жениться и определиться в его отношении к бозо (партнерам догонов по шуточному родству). О Ладжи Сиссе и бритые мы уже упоминали.

В предыдущей статье (Куценков 2018) говорилось о фольклоре д. Энде – лукавых рассказах о «заколдованном месте», страшном питоне, обитающем около грота Унду Комо, и о бесследно сгинувшем на скальном обрыве безымянном джихадисте. Все эти истории, во-первых, являются образцами тех самых мистификаций, которыми так богата культура догонов. Во-вторых, все они объединены одной и той же мыслительной уловкой: нечто существует, но есть весьма хитроумно придуманная причина, по которой этому нет свидетелей (какое уж тут архаичное мышление!). По той же схеме в мусульманской деревне Энде проводятся церемонии языческого общества масок. Дело в том, что формально такие церемонии в мусульманской деревне устраивать нельзя; но если имеется веская причина для их проведения, то можно и нужно. Когда автор в марте 2015 г. впервые приехал в д. Энде, его проводник и консультант Бокари Гиндо настоятельно рекомендовал устроить церемонию *Дама* (поминовения предков). Было это довольно странно, поскольку задолго до поездки была достигнута договоренность не затевать ничего такого, чем обычно развлекают туристов, и Бокари неукоснительно следовал этой договоренности. Но в ноябре 2017 г. вместе с автором в Энде было еще три человека, и Бокари решил действовать, никого не спрашивая. Церемония была проведена на окраине деревни, на дороге между кладбищем крокодилов и прудом, где обитают их живые сородичи.

Реакция на это событие деревенских жителей открыла автору глаза на многое: вопреки исламу, общество масок в Энде живо и действует; церемония вылилась в общедеревенский праздник, который продолжался до глубокой ночи. Самое же главное состоит в том, что и участники общества масок, и вообще все обитатели Энде только и ждали повода, позволяющего им нарушить формальный запрет на языческие действия. Показательно, что дети радовались этому событию не меньше взрослых, хотя им запрещено видеть выход масок: маска-полицейский Валу гоняла детей, а те убежали от нее в комическом ужасе. Правда, следует отметить, что в последнее время наблюдаются некоторые признаки возврата догонов к традиционной религии, и возможно, что через некоторое время никакие поводы никому и не понадобятся.

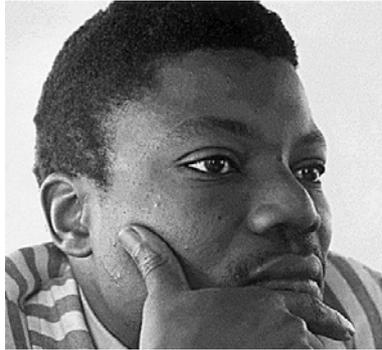

Маски д. Энде (в центре маска с учеником)

В данном случае в действие была приведена та же уловка, что в историях про питона и «заколдованное место»: был найден формальный предлог, позволяющий устроить выход масок, – «Это не мы, это они захотели». В историях про несуществующего питона аналогичной цели служит рассказ о том, что появляется он только перед теми, кто его боится. Если же гигантского змея не бояться, то он и не появится. Излишне говорить, что в оправдание своих языческих действий жители Энде творят такие чудеса казуистики, каким могли бы позавидовать самые опытные адвокаты.

Не исключено, что и Гриоль стал жертвой подобных уловок и мистификаций, причем подловили его, опять-таки, на самом его «слабом» месте – интересе к мифологии. И здесь возникает еще один вопрос: если такая манера общения для культуры догонов действительно характерна, то не является ли «Бог воды» вполне адекватным ее отражением? Разумеется, содержащиеся там сведения о мифологии более чем сомнительны и их явно нельзя использовать в качестве этнографического источника. Однако если его книгу воспринимать как беллетристику, то следует признать, что Гриоль вполне адекватно передал общую атмосферу мистификации и манеру рассуждений догонских «очарованных странников», то есть его работа может послужить серьезным подспорьем в понима-

нии «духа» культуры догонов. Есть еще одна книга, не менее знаменитая, чем «Бог воды». Это роман «Долг насилия» догона Ямбо Уологема (впервые был опубликован в 1968 г.). В прологе, названном «Легенда Саифов», описываются дикие зверства и чудовищные жестокости вроде зарезанных детей и беременных женщин с разорванными утробами (Oulogem 2003). Такие описания резко контрастируют с реальными нравами малийцев вообще и догонов в частности – за время своих поездок в эту страну автор ни разу не видел, чтобы били ребенка. Больше того, он ни разу не зафиксировал не то что жестокого, но даже несправедливого отношения к животным. В этой связи очень показателен эпизод на дороге между городами Дженне и Севаре в начале ноября 2017 г.

Наша машина ехала со скоростью около 90 км в час, и когда за поворотом на дороге возникла большая змея, Ладжи Сиссе (см. фото) не успел затормозить, и змея была раздавлена. Автора тогда поразило поведение Ладжи, который был очень огорчен этим происшествием и долго после него оправдывался. Дело в том, что его как ревностного мусульманина убийство змеи огорчить не могло. Но он малиец, и поэтому не

может приветствовать убийство ради убийства, даже и змеи. Убить ее можно только в порядке самозащиты.

Так откуда же в романе Уологема взялись сцены чудовищной жестокости? Ответ следует искать в устных исторических преданиях догонов и, в частности, в преданиях д. Энде. Там бытуют три его версии. Самая ранняя из них описывает события XII–XIII вв. Она принадлежит клану Гуруван из кварталов Огоденгу и Энде-Тооро. Один из его предков по имени Андумере отличался, если верить традиции, не совсем адекватным поведением:

«Поскольку он был злодеем (колдуном. – П. К.), – говорится в предании, – то отрезал язык своего черного быка для того, чтобы приготовить колдовское зелье. Тогда родичи его связали и отправили в Багуру вместе с Йанджиги, предком той деревни. Там он взялся за старое. Он взял лошадь, принадлежавшую жителям Тиу, и пошел в Йерибанга. Жители Тиу отправились искать свою ло-

шадь. Когда та услышала, что идет ее хозяин, она заржала; тогда Андумере применил колдовство² и спрятал лошадь в дупле огромного баобаба, а дупло после этого закрылось. Люди из Туу, услышав ржание лошади, узнали ее. Андумере все отрицал и сказал, что это крик фетиша леве (гигантский питон. – П. К.), которого он добыл на охоте. Те вернулись в свою деревню. После всего этого он поселился в деревне Сондол <...> Однажды беременная женщина ушла из Ансамаи Дуна. Когда люди увидели ее издали, то сказали, что ребенок в ее утробе – сын другой девушки! Андумере схватил женщину и разорвал ее живот, чтобы узнать, какого пола ребенок»³.

Здесь мы не будем вдаваться в детальный анализ текста (это дело филологов и фольклористов). Важно другое: Уологом воспользовались историческими преданиями и мифами догонов для того, чтобы создать свою собственную мистификацию, несуществующую «легенду Саифов», то есть поступил точно так же, как «очарованные странники» Нагорья Оготеммели и Мамаду Гиндо. Поэтому образы его романа не могут быть историческими и этнографическими источниками, но они способны дать представление о психологии догонов, вытесняющей насилие на мифическую периферию сознания. С этой точки зрения «Бог воды» Гриоля, если относиться к нему так же, как к роману Уологема, служит вполне адекватным источником, живописующим некоторые стороны догонской этнической психологии.

Но остается еще один вопрос – почему именно Сириус? Почему эта звезда была избрана Гриолем в качестве ключевого звена всей догонской мифологии? Ведь именно он отождествил несуществующее слово *pô tolo* с этой звездой... Вероятно, ответ надо опять искать не в догонской, а во французской культуре – может быть, есть там что-то такое, что заставляет из всех звезд прежде всего вспоминать именно эту? Вроде бы имеется некоторая вероятность

² В оригинале говорится: «*Anduméré a fait son fétiche*». Эта идиома языка *тенкан*, дословно переведенная на французский, означает «применил свое колдовство, свою сверхъестественную силу». Такое же выражение есть в языке бамана: «*A tun b'a boli ke*» (дословно – «Он сделал свой фетиш»).

³ Текст этого предания хранится у жителя квартала Огоденгу Сейду (Жюстена) Гиндо. Его факсимиле и полный перевод с комментариями в настоящее время находятся в печати (журнал «Восток»). К слову, подобные кровавые эпизоды характерны не только для мифологии догонов – множество аналогий им можно найти в охотничьих мифах народов манден (Завьялова 2017).

того, что во всем «виноват» Вольтер. Есть у него небольшая философская повесть под названием «Микромегас», которая у нас, в России, большой известностью не пользуется, хотя неоднократно издавалась и на русском, и на французском языке (см., например: Вольтер 1985). Однако этого никак нельзя сказать о Франции, для которой Вольтер – один из столпов национальной культурной традиции. Так вот, героем повести является житель Сириуса Микромегас, который вместе с уроженцем Сатурна путешествует по нашей планете. Но в данном случае сам сюжет повести не имеет особого значения; важно то, что Сириус попал во французскую культурную традицию еще в середине XVIII в. Правда, не исключено, что можно найти и более ранние упоминания о нем.

Поэтому рискну высказать слишком смелое, может быть, предположение, что прочно усвоенные Гриолем еще в лицее тексты Вольтера послужили толчком к тому, что он спросил Оготеммели именно об этой звезде. Есть и другое объяснение: мысль о связи Древнего Египта и Западной Африки всегда подспудно присутствовала и в африканистике, и в египтологии, а в календарной системе египтян Сириус играл очень важную роль. Но все это, конечно, остается лишь предположением...

Литература

Вольтер. 1985. Микромегас. В: Вольтер, *Философские повести*. М.: Правда, с. 123–144.

Завьялова, О. Ю. 2017. Версии охотничьего мифа манден о Саане и Кондолоне. *Восточные чтения. Религии, культуры, литературы. Международная конференция. 17–18 ноября 2017 г.*: сб. материалов. М.: ИМЛИ РАН, с. 88–97.

Куценков, П. А. 2018. Догоны: культура и ее образ в массовом сознании. *Историческая психология и социология истории* 11(1): 119–132.

Beek, van W. A. E.

1991. Dogon Restudied: A Field Evaluation of the Work of Marcel Griaule. *Current Anthropology* 32(2): 139–167.

2004. Haunting Griaule: Experiences from the Restudy of the Dogon. *History in Africa* 31: 43–68.

Griaule, M. 1975. *Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotemméli*. Paris: Librairie Arthème Fayard.

Oulogem, Y. 2003. *Le Devoir de violence*. Paris: Le serpent à plumes.